

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА

РАССЕЛ ФАРНЕН,

профессор политических наук Университета Коннектикут (США)

Что означает “политический успех” на Западе и Востоке?

Abstract

Political “success” has contrasting meanings, depending on the evaluative criteria used. These are individual, societal, environmental, political, cultural, cross-national ones, or even, among absolutists, universal or eternal ideals. Of these criteria, it is reasonable to use a combined political systems and cultural model to guide our discussion of the phenomenon.

Определение

“Политический успех” может иметь противоположные смыслы, в зависимости от того, какие критерии оценки мы применяем (индивидуальные, социетальные, политические, культурные, обусловленные средой, кросс-национальные, и даже из разряда абсолютов, таких как универсальные или вечные идеалы). Среди этих критериев проще всего обратиться к сочетанию модели политической системы и культурной модели, чтобы вести дальнейшее обсуждение этого феномена.

Это означает, что в определенной политической среде или культуре существуют ключевые ценности и традиции, на которые можно опираться для оценки результатов постановки вопросов и принятия решений, а также их реализации на различных фазах политического процесса. Одной из таких ценностей, которые разделяют и на Западе, и на Востоке, является поддержка демократического гражданского общества, основывающегося на широком общественном согласии и участии, а также на тех социальных и

экономических факторах, которые способствуют индивидуальной и групповой свободе, плюрализму, социальному равенству и справедливости, реализации общественных интересов в сфере образования, здравоохранения, безопасности и социально обусловленной морали.

Факторы влияния

Существуют определенные ключевые факторы, которые влияют на политический успех. Среди них — требования времени, личностные качества (которые отвечают среде, культуре и времени), острота и мера кризиса и социальных проблем, с которыми сталкивается общество, регион или мир в целом (например, связанные с экономическим регрессом или депрессией, ограничением гражданских прав и свобод групп и индивидов, возрастанием риска войны). Что касается последнего, имеется в виду потеря эффективного контроля над оружием и его нераспространением, международными миротворческими силами и заключением мирных соглашений для решения конфликтов с учетом оправданных или законных интересов в контексте соблюдения безопасности, коль скоро мы признаем необходимость политики взаимного сдерживания, ограничения стратегических вооружений и нераспространения ядерного оружия, а также несовместимость системы противоракетной обороны и политики массированных репрессий в XXI столетии.

В целом, в дополнение к перечисленным факторам, успех может требовать определенных личностных качеств, которые обычно определяют в таких терминах, как искусство лидерства, харизма и, наконец, просто удача. Более того, в некоторых обществах (например, в США) успешный политический лидер должен четко соблюдать баланс между идеологической и партийной принадлежностью, с одной стороны, и личной популярностью и поддержкой со стороны элиты — с другой, чтобы обеспечить долгосрочный успех своих политических инициатив.

Некоторые сравнения: “стабильные” и “транзитивные” демократии

В определенном смысле, такой вещи, как “стабильная” демократия, просто не существует. Это — *contradictio in objecto*. Все демократии должны изменяться, в лучшую или худшую сторону, чтобы выживать и приспосабливаться в процессе политической эволюции. Например, западные демократии сейчас переживают кризис неучастия граждан, неудержимого сращивания средств массовой информации с бизнесом, цинизма, недоверия и массового отчуждения (то, что создано инкорпорированными медиа и национальными и транснациональными конгломератами путем контроля над всеми фазами коммуникативной системы). Политическое участие, забота о социальном равенстве и справедливости и государственные решения в интересах общества — все это отнюдь не часто встречается в Америке, где мы имеем элитную “демократию без граждан” и индивидов, столь изолированных друг от друга, что они “играют в боулинг поодиночке”, как выразился недавно один наблюдатель. Такого глубокого отчуждения не наблюдалось в период с 1930 по 1970 год.

В отличие от этого так называемые “транзитивные” демократии имеют свои проблемы, начиная с системы социальной защиты для всех граждан в виде пропитания, одежды, жилья, здравоохранения, безопасности, образования, доступа к общественным делам и надежды на будущее для общества и демократии, то есть с того, что должны обеспечивать каждое правительство и каждый лидер. Наряду с этим, они должны также восстановить равновесие между западной всеобъемлющей версией индивидуальной свободы, когда “каждый за себя, и черт побери всех неудачников”, или диким западным “шоковым” капитализмом, с одной стороны, а с другой — надлежащим вниманием к базовым измерениям жизненных потребностей всех граждан (то есть социальной справедливости и равного доступа) одновременно с поддержкой капиталистических рисков, предпринимательской активности, а также общественных и частных инвестиций, необходимых для экономического роста в обозримой и в отдаленной перспективе. В этом смысле (как на Западе, так и на Востоке) мы должны признать первичность политических (а не экономических) сил, чтобы перестроить наши общества и инфраструктуры, как это происходило в США, в частности в период 1932—1945 годов.

Но в одном смысле западные и восточные демократы сталкиваются с общими для них фундаментальными проблемами, которые проявляются в форме снижения участия граждан, ориентированности средств массовой информации на цели государства либо олигархов, падении уровня доверия и распространении в обществе цинизма и отчуждения. Этот кризис укоренен в большей мере в экономике, чем в политических институтах, в тотальном поглощении людей потребительством, в том числе в сфере массовых коммуникаций, и вместе с тем работой, экономическим преуспеванием, накоплением богатства и экономическим материализмом. В этом состоит суть дела в восточных демократиях, которые развивали свои атактистические материалистические ценности скорее на основании “реального социализма”, чем капиталистического прошлого, но социальный результат оказался схожим. Люди осознают себя, но не как граждан, а прежде всего как экономических субъектов. Гражданин, ответственный за гражданское участие, предан забвению. На Востоке, в силу дефицита базовых материальных благ, это еще как-то объяснимо. Однако на обеспеченном Западе это и непростительно, и трагично.

Во всяком случае, и для Востока, и для Запада лучше достигать политического успеха, поддерживая тех политических лидеров на Востоке, которые будут в состоянии обеспечить систему социальной защиты (хлеб с маслом, а не пушки) параллельно с инициативами демократического участия, скажем, через новые трудовые объединения и демократическое реформирование средств массовой информации. На Западе же, наоборот, нет нужды в подобной “сильной личности”, которая бы руководила нами. Нам нужны такие лидеры, которые бы помогли людям найти себя и приобщиться к политическому будущему вне мифотворчества медиа, которые сконструировали политическое прошлое, метареальность, которую не нужно спасать, поскольку она никогда не существовала и никогда не будет существовать.

Перевод с английского Ирины Бекешкиной